

ЗА РОДИНУ

№ 48 (448)

Четверг, 2-го марта 1944 г.

Цена 50 коп.

Русская ежедневная газета. Главный редактор Анатолий Степос. Редакция во Пскове и Риге. Адрес: Рига, улица Рихарда Вагнера 57. Из освобожденных областей следует писать в газету через Центральную русскую почту: Feldpost Nr. 39609 Ru (Z. R. P.) «За Родину». Деньги за подписку — 16 руб. в месяц (с доставкой по почте) и деньги за объявление (плата за стандартное объявление 30 руб.) переводить почтовым денежным переводом по адресу: Postscheckamt Riga, Konto 337 («Sa Rodinu»)

Большевицкая потогонщина

Дм. Рудин

Бесправное положение рабочих в СССР позволило советскому правительству применять потогонные системы труда, против которых издавна борются рабочие организации запада. Наиболее распространенной из таких систем в Советском Союзе являлась так называемая сделщина. Большевики пытались оправдать введение сделщины оплаты необходимостью поднять производительность труда. Между тем происходящее, таким образом, повышение производительности труда определяется не лучшей организацией производственного процесса, как должно быть при социализме, а недопустимым изматыванием рабочей силы.

Поскольку расценки устанавливаются фактически администрацией предприятий, в связи с установкой соответствующих государственных и партийных органов, то совершенно ясно, что рабочие находятся в кабальной зависимости от властей.

Отсюда возможность различных злоупотреблений, вплоть до прямого обмана трудящихся, что имеет место, например, в стахановщине.

По заданию партийной организации шахты Ц. Ирмино, забойщик Алексей Стаханов дал невиданную до того норму выработки угля за смену. Достиг он этого благодаря помощи администрации шахты и парткома, поставивших его во время работы в особо благоприятные условия.

После того, как Стаханов осуществил свой рекорд, все газеты и радио страны провозгласили новую стахановскую эру в работе советской промышленности. В различных областях производства появились подражатели Стаханова: на железнодорожном транспорте Бусыгин и Кривоносов, в текстильной промышленности Дуся Виноградова и многие другие. Как правило, новые рекорды ставились в результате искусственных условий работы, когда чуть ли не все предприятия «подыгрывало» рекордсмену.

Сперва правительство выплачивало стахановцам очень большие деньги, награждало их орденами и медалями, портреты отличившихся печатались в газетах. Все это делалось для того, чтобы отвести народу глаза от истинных целей, преследовавшихся стахановщиной. Увлеченные успехами стахановцев, подгоняемые призывами и политическими окриками партийных руководителей и профбюрократов, многие рабочие также начали перевыполнять установленные нормы выработки. Советская печать обычно уверяла рабочих, что перевыполнение норм ни в коем случае не повлечет их пересмотра или снижения расценок.

Но вскоре оказалось, что такого рода заверения были сплошным обманом. Когда партийные дельцы нашли, что почва достаточно подготовлена и стахановское движение проникло в рабочую среду, они нарушили свои обещания и повысили нормы. Как и обычно в подобных случаях, большевики представили дело так, будто пересмотра норм добивались сами рабочие, пекущиеся о благе советского государства и успехах социалистического строительства.

Если бы стахановщина была органически связана с рационализацией трудового процесса, все эти махинации большевиков не были бы столь зазорны. Но дело в том, что рационализация труда имела место в немногих случаях. В целом повышение производительности труда рабочих шло за счет сверхурочного времени, отдаваемого подготовке материалов и рабочего места, чрезмерного напряжения внимания и физических сил.

Таким образом, вспоминая стахановское движение, искусственно раздутое в свое время большевиками, можно сделать вывод, что стахановщина представляла замаскированное наступление большевиков на рабочих. Стахановские методы труда, не увеличив благосостояния рабочих, во много раз увеличили их эксплуатацию. Производительность труда здесь повышалась временно за счет безжалостного изматывания физических сил рабочих.

ВСЕ НЕПРИЯТЕЛЬСКИЕ АТАКИ ОТБИТЫ

Успешные оборонительные бои у Витебска

Главная Ставка Фюрера, 29 февраля. Верховное Командование германских вооруженных сил сообщает:

Восточнее Керчи и в районе Кривого Рога отбиты многочисленные атаки неприятеля. Местные формирования ликвидированы германскими контрдрозами. Советские войска понесли тяжелые потери.

Южнее Припятских болот продолжаются операции местного характера.

Южнее Березины и юго-восточнее Витебска все упорные атаки противника потерпели неудачу. В длившихся весь день ожесточенных боях германские войска одержали полный оборонительный успех.

Западнее Псковского озера и в районе Нарвы все попытки противника прорвать линию германской обороны окончились полной неудачей. Германская артиллерия разгромила скопление неприятельских войск и рассеяла его колонны.

Крупные соединения германских боевых самолетов успешно поддерживали в районе Кривого Рога, у Дубно и Псковского озера операции своей пехоты и атаковали с бреющего полета неприятельские пехотные и моторизованные колонны. При этих атаках попаданиями бомб и огнем бортового оружия уничтожены многочисленные автомашины и зенитные орудия неприятеля.

На дальнем севере германские скоростные бомбардировщики уничтожали расположенные у Мурманской железной дороги военные лагеря противника.

На итальянском фронте, в районе десантного плацдарма у Неттуно, в результате деятельности ударных отрядов в некоторых местах германским войскам удалось улучшить свои позиции.

На южно-итальянском фронте все атаки противника у Кастельфорте и Терелле отбиты.

Над гаванью Болонья германская морская зенитная артиллерия сбивла два четырехмоторных самолета противника. Таким образом, силами германского военно-морского флота и морской зенитной артиллерии сбито за время от 21 по 29 февраля 22 самолета противника.

Пикировщины в бою

Берлин, 29 февраля.

На южном участке восточного фронта крупные советские танковые силы намеревались прорвать германские линии. В бой вмешались германские пикировщики, которые метко сброшенными бомбами нанесли советским частям крупный урон. Бомбами уничтожен ряд танков и автомашин, подвизавших войска к исходным позициям. Советские части, рассеянные тяжелыми воздушными налетами, не смогли, таким образом, приступить к намечавшейся атаке.

Оборона Рабула

Токио, 1 марта.

Англо-американская авиация продолжает совершать налеты на Рабулу. За последние дни в налетах участвовало 566 самолетов, из которых японские противовоздушные силы сбили 28. Благодаря успешной японской обороне, все налеты успеха не имели и японским позициям никакого вреда не причинили.

План очередного грабежа

Доклад Зверева о государственном бюджете СССР

На недавно состоявшейся сессии Верховного Совета СССР обсуждался бюджет на 1944-й год. Конечно, «обсуждение» это носило типично советский характер, то-есть, бюджет, утвержденный политбюро, никто никакого права обсуждать не имел. Наркомфин Зверев сделал доклад, а хорошо выдрессированные депутаты единогласно его утвердили. Само собой разумеется, что ни один депутат тоже не осмелился говорить об обидных наркомом вопросах.

Такой неприличной (или вернее, запущенной) темой на сессии был вопрос о долгах Англии и Соединенным Штатам. По крайней мере, в докладе Зверева о государственном долге Советского Союза не было сказано ни единого слова. Короткая память у большевиков: все подсчитали до копейки, а вот о многомиллиардных долгах английским и американским банкирам забыли, чтобы не нарушать стройности и не наводить русский на-

грабительский характер советских финансово-экономических планов. Это видно из анализа и приходной и расходной частей бюджета.

На кого же падает основное бремя советских поборов? За чей счет будут пополняться опустевшие сейфы большевических банков?

Какую прибыль рассчитывают большевики получить от всей государственной промышленности в 1944-м году? Народный комиссар финансов определяет ее в 15 миллиардов рублей.

В то же самое время только по государственному налогу большевики намерены собрать с населения 34,3 миллиарда рублей. Кроме того, с городского и сельского населения по виду займов большевики рассчитывают выкачать еще 30,3 миллиарда.

Таким образом, прибыль хваленной «социалистической промышленности» в четыре раза ниже, чем поступление

приобретает исключительно важное значение.

Что же, экономия почти всегда — дело хорошее. Только на чем же собираются экономить большевики? Может быть, они собираются хоть немного сократить разбухший партийный и советский чиновничий аппарат? Или (чем чорт не шутит) заставят наркомовудельцев быть поскромнее в своих расходах?

Нет, советские тыловые чиновники по советскому и партийному ведомству могут быть спокойны. Расходы на содержание государственного аппарата в 1944-м году определены в 6,7 миллиарда рублей, на 1,5 миллиарда больше прошлого года.

А вот на детских домах можно экономить! На их содержание в бюджете отведена более чем скромная цифра — 1,7 миллиарда рублей. Но ведь большевический бюджет — что дышло в процессе исполнения он, наверняка, в части расходов на детские дома будет существенно уменьшен, а потом многое из этих денег уйдет в руки тех же чиновников, а детям достанется только копейки.

В том же, что советские чиновники, особенно крупных рангов, получают свои 6,7 миллиарда рублей — в этом можно не сомневаться.

Как бы ни пытались большевики, жонглируя подтасованными цифрами, доказать благополучие советской экономики, для нас одно ясно, что государственный бюджет СССР на 1944-й год направлен на дальнейшее ограбление голодного и нищего русского народа.

П. Киселев.

Марокко под властью оккупантов

Мадрид, 1 марта.

Оккупационные власти во французском Марокко жесточайшим образом подавляют беспорядки, вызванные местным населением, возмущенным тяжестью оккупационного режима. В город Фец направлены крупные воинские части, арестованные свыше шести тысяч человек. Все арестованные принадлежат к видным мусульманским кругам. В предместьях города произошли столкновения, убито 18 и ранено 50 солдат. Потери марокканцев неизвестны. В другом квартале города несколько заключенным удалось бежать. За ними погнались солдаты, которые были разоружены и избиты толпой.

В городе Мекнесе арестовано 2.000

марокканцев, множество арестовано в оазисах также в Касабланке и других городах.

За последнее время среди марокканцев стали проявляться резкие анти-еврейские настроения. Это вызвано действиями оккупационных властей, пользующихся евреями в качестве шпионов и провокаторов. По еврейским доносам арестован целый ряд марокканских патриотов. Евреи, опасаясь погромов, потребовали военной охраны, на что, разумеется, англо-американцы охотно согласились. Проливается кровь марокканцев, французских солдат и негров. Евреи же спокойно строчат доносы под надежной охраной англо-американских пулеметов.

Английский террористический бомбардировщик, пораженный огнем немецких истребителей, разламывается на части в воздухе. Через несколько секунд от него останется лишь груда дымящихся обломков.

Рисунок германского военного корреспондента.

Морская победа Японии

Потоплено несколько военных кораблей

Токио, 1 марта.

Японская императорская ставка сообщает:

22-го февраля утром неприятельские военно-морские силы, в составе которых было десять авианосцев и во-

семь линейных кораблей, появились около Марианских островов. Силы японской гидроавиации немедленно перешли в атаку и неоднократно атаковали неприятельский флот 22 февраля вечером до рассвета 23-го. При этом потоплено — один авианосец и три крупных военных корабля, в том числе, вероятно, еще один авианосец. Другой авианосец поврежден.

23 февраля двести неприятельских самолетов, поднявшихся с авианосцев, напали на острова Сайпан, Тиниан и Гуам. Противник обратился в бегство в восточном направлении. Ущерб, понесенный японцами, незначителен.

Смерть в горах

Вена, 1 марта.

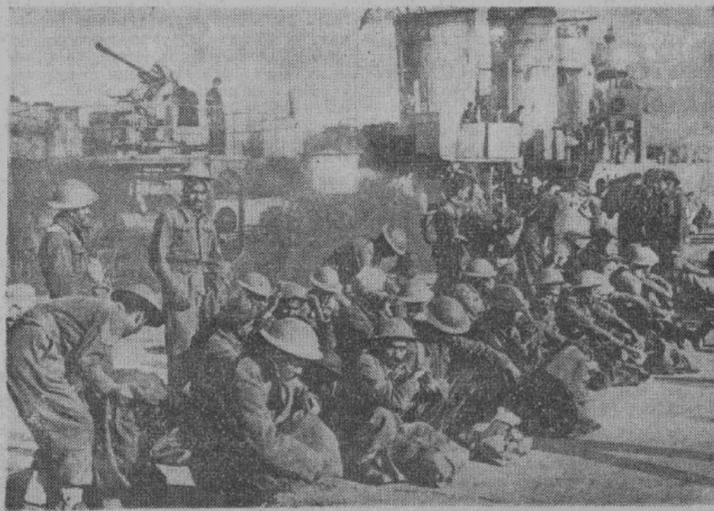
24 и 25 февраля над восточными Альпами более ста американских летчиков вынуждены были выпрыгнуть из гибнущих самолетов.

В течение 26 февраля германским горным частям удалось спасти несколько летчиков, находившихся среди снежных и ледяных полей Восточных Альп. Некоторые из спасенных американцев участвовали в операции первый раз. Когда их направляли, им сказали, что перелет через Альпы совершенно безопасен, так как там нет немецких истребителей. Но молодых летчиков жестоко обманули: над самыми вершинами Альп они были атакованы немецкими истребителями и потерпели аварию.

Несмотря на дружбу

Несмотря на дружбу с Москвой и на восторги перед большевиками, англичане знают, что к коммунистам вообще надо держать ухо востро.

Британский военный министр Григ заявил недавно в Палате общин, что, не считаясь с протестами английской коммунистической газеты «Дэйли Уоркер», он попрежнему не допустит ее корреспондентов на фронт. Причина этому лежит в полном отсутствии гарантий, что сотрудники газеты будут соблюдать военные секреты фронта, ибо опыт показал, что они сообщают эти секреты членам коммунистической партии.

Все племена, населяющие Аглийскую империю, представлены среди «гордых британских солдат», взятых в плен и ожидающих отправки в лагерь

род на грустные размышления о запреданных англичанам Баку и Мурманске.

В том, что помимо фиктивного опубликованного бюджета у большевиков существует еще секретный бюджет — в этом сомневаться не приходится. Но и в опубликованном варианте, который очень далек от действительности, сквозь пелену лжи можно рассмотреть антинародный,

с населения от займов и налогов. Оказывается, грабить население для большевиков значительно легче, чем наладить рентабельную работу промышленности.

На этой же сессии Зверев завел давно знакомую песню о режиме экономии.

«В нынешних условиях, при огромных масштабах военных затрат, борьба за строжайший режим экономии

Со вторым фронтом опять неладно

Со времени Тегеранской конференции повсюду создается впечатление, что престиж Сталина чрезвычайно возрос. Сталин треплет, его англо-американские партнеры подчиняются. Однако, время идет, а выполнения приказов что-то не видно. И потому Москва снова сердится. По поводу затяжки открытия второго фронта московская газета «Война и рабочий класс» возмущается тем, что в высших военных кругах США и Англии засели «медлители, которые высчитывают каждую каплю крови». «Эти люди», говорит газета, «все время твердят о колоссальных потерях, ожидающих союзников на европейском побережье. Они дают хитрые советы отсрочить начало операций и разными возражениями и трусливыми отговорками стараются замедлить и затруднить приготовления».

Сталин, правда, не глуп и хитер, но одного он все же не может понять: его «друзья» охотно предоставят ему выступать Наполеоном на конференциях, но на полях сражений они суют заставить его проливать дешевую русскую кровь, чтобы как можно меньше истратить драгоценной англо-саксонской крови.

Северный фронт Японии

Неудача американских наступательных операций на Курильские острова

Нравне с юго-западной частью Тихого океана и с операциями на индобрманской границе, в японской столице с большим вниманием относятся также к развитию событий на северном фронте. Причиной тому служат многочисленные американские наступательные операции, направленные против опорных пунктов Японии на Курильских островах.

1-го января, в первый раз после долгого перерыва, над северными островами Курильской группы появились неприятельские бомбардировщики. Затем последовали шесть наступательных операций. Попытка противника прорваться до середины группы Курильских островов, закончилась неудачей. Предполагается, что все нападения велись с принадлежащего к Алеутской группе острова Ватту, который расположен всего в 120 км. от японского острова Парамушир.

Совершенно не исключено, что противник намеревается провести с севера широко задуманные операции с целью завладеть Курильскими островами. Во всяком случае, такие операции по всевозможным причинам будут сопряжены с огромными трудностями и происходящие в настоящее время случайные нападения нужно рассматривать, как попытку отвлек

внимание японского командования. Главной причиной, затрудняющей всякие действия в этом районе, является, в первую очередь, погода. Трудно найти другую область, где бы условия погоды были так плохи, как здесь. Курильская группа, состоящая, при-

близительно из 1000 островов и островков, служила в мирное время главным опорным пунктом японского морского рыболовства. Многие острова являются действующими вулканами. Здесь почти весь год господствует зима. Страшные снежные бури и ураганы начинаются здесь в сентябре и продолжаются вплоть до конца мая.

Все это показывает, сколь затруднительна была бы любая наступательная операция на Курильские острова. Все снабжение должно было бы идти по бесконечно длинным и в навигационном отношении крайне опасным морским путям. С другой стороны, японцы, обеспечивая с севера свою Империю, уже давно систематически возводят в этом районе опорные пункты и позиции, располагая гораздо более короткими и безопасными путями сообщения.

Черчилль усиливает цензуру

Как сообщают из Лиссабона заслуживающие доверия источники, Черчилль приказал министерству информации в Лондоне еще больше усилить цензуру, особенно в части, касающейся последствий германских воздушных налетов. Английская пресса не имеет права больше печатать сообщений об этих налетах и все телеграммы, направляемые иностранными корреспондентами своим газетам и содержащие какие либо сведения о причинах германских бомбардировок разрушениях, не допускаются к пересылке. В германской прессе существует мнение, что этими крайними мерами Черчилль пытается скрыть от нейтральных стран серьезность наносимых теперь германской авиацией Лондону ударов, а также, повидимо-

„Гуманисты“

Берлин, 1 марта. Несмотря на все басни англо-американской пропаганды о «гуманности» демократических стран, как англичане, так и американцы ведут войну с неслыханной жестокостью и не считаются ни с какими законами международного права. Особенно охотно англо-американцы нападают на лазареты и больницы. На днях в районе Априлли они пулеметным и артиллерийским огнем обстреливали германский санитарный автомобиль, ясно обозначенный знаками Красного Креста. Шофер и санитары ранены. В том же районе английский самолет с бреющего полета обстреливал из бортового оружия германскую санитарную машину, которая загорелась, находившиеся же в ней раненные получили тяжелые ожоги.

Не ограничиваясь этим, английские самолеты забросали бомбами перевалочный пункт в Гротта Феррата. Разрушено два здания, отмеченные знаками Красного Креста, убито или засыпано много раненых.

Успехам мешает климат

Генерал Монтгомери ожидает хорошей погоды

Стоило только английским войскам вступить на территорию южной Италии, как там, судя по официальным сообщениям из Лондона, начали наблюдаться удивительнейшие явления природы.

Во-первых, почти непрерывно идут дожди, лишь изредка, для разнообразия, сменяющиеся снежными бурями, во-вторых дуют холодные ледяные душистые ветры, в-третьих, даже на горах образуются болота, в-четвертых, кусаются комары, в-пятых, сколько. В-шестых, душно и т. д. и т. д.

Короче говоря, климат южной Италии резко изменился в худшую сторону. И настолько изменился, что английские генералы фотографируются сейчас не иначе, как в меховых шаках.

Почему же? Почему солнечный край, прославившийся на весь мир своими лечебными и жемчужными курортами, превратился вдруг в какую-то помесь Огненной Земли с Землей Франца-Иосифа? Отчего столько? Откуда взялись тропические дожди и снежные бури?

Чтобы ответить на эти вопросы, приходится, как это ни странно, взглянуть не в область метеорологии, а в область чисто военного искусства и тесно к нему прилегающие области вражеской пропаганды и дипломатии.

Как известно, во время прошлой империалистической войны английские генералы выработали весьма любопытный лозунг: «Атаковать с трубами в зубах». Этот лозунг символизировал тенденцию возложить всю тяжесть боя на артиллерию, авиацию и другие технические силы, которые должны молчать, так разгромить вражеские позиции, чтобы пехота могла разгрузить по полям сражений, как на прогулке. Именно в таком духе воспитывалась храбрая английская молодежь и каждый английский воин или

спортсмен научился рассуждать, приблизительно так:

«Я — непобедимый боксер. Я готов встретиться на ринге с любым противником, но при условии, что до начала рунда кто-нибудь стукнет моего противника молотком по голове...»

Атаковать с трубами в зубах воинственным англичанам все же не удается. На современных фронтах нет того комфорта, к какому англичане привыкли, война против своих колониальных рабов. Нынешние противники английских колонизаторов метко стреляют из пушек и бомбят с воздуха, английским солдатам и офицерам приходится бегать, ползать, бросать гранаты и вступать в рукопашные схватки, а вот к этому-то гордые воины и не приучены. Немудрено, что когда британские командиры призывают теперь своих солдат вылезать из окопов, солдаты капризно возражают:

— Вы с ума сошли! Нас же могут убить! Такова первопричина того, что пребывание в южной Италии пришлось англичанам не по вкусу. Дальнейшее объясняется уже гораздо проще.

Черчилль должен как-то отчитываться не только перед своим народом, но и перед своими союзниками, которые все еще продолжают надеяться на его действительную помощь. Признать бессилие своих армий Черчиллю, разумеется, не хочется. Сознаться в трусости, — тем более. Раскрыть свои карты и заявить, что, дескать, он сам ждет помощи чтобы пройти по Европе с сигарой в зубах, он и по-прежнему не намерен. Следовательно? Следовательно, остается только одно: возвалить всю вину на климат, на безреспотную природу.

Так оно и делается. В теплый солнечный день генерал Монтгомери осторожно высовывает голову из мощного блиндажа, построенного где-ни-

будь в районе Вилла Гранде, и в тот же момент пуля немецкого снайпера пробивает его эффектный берет. Трубка выпадает из рта генерала, он панически приседает и начинает дрожащим голосом диктовать в Лондон срочную радиограмму:

— Погода для наступления опять не подходящая. Точка. Кусаются комары. Точка. Чувствую, что одежда моя снизу промокла. Точка. Задуманные операции придется отложить до более благоприятной погоды. Точка...

Вы думаете, — я остро? Ничего подобного! Именно такими сообщениями пестрят английские газеты. Вот, например, дословная выдержка из английской военной сводки от 4-го января этого года:

«Погода несколько улучшилась, однако, почва еще недостаточно подсохла, чтобы можно было предпринять наступление крупного масштаба».

Надеемся, читателю теперь вполне понятно, почему почва под ногами храбрых англичан подсыхает столь медленно? «Климат южной Италии действительно оказался для них неподходящим. Ведь не воевать же, в самом деле по-настоящему, когда под ногами лужи, а кроме того, силы так неравны: на одного немца приходится всего восемь британцев?»

Испортив итальянский воздух, надменные лорды сейчас усиленно скребут свои бетонированные затылки. Доблестный помощник Сталина и Рузвельта, генерал Монтгомери мрачно сидит у моря и жлет погоды. Но где гарантия того, что, в случае дальнейшего продвижения на континент, климат Европы не станет для англичан еще более невыносимым, чем климат южной Италии? Не покажется ли им тогда, что на земле вообще начался второй Ледниковый период? Н. Иркутский.

Иностранная печать о большевизме и терроре

Берлин, 1 марта.

Иностранная печать продолжает уделять все больше и больше внимания происходящему сейчас большевизму и террору.

Турецкие газеты, например, отмечают, что сейчас даже английские и американские корреспонденты не могут молчать о том, что гражданское население занимаемых Красной армией районов подвергается со стороны советской власти организованному и беспощадному террору.

«Сведения об этом жестоком терроре все чаще проникают в печать и заставляют больше, чем с недоумением, относиться к широковетательным заявлениям советской власти», — говорится в одной из статей.

«Верным показателем настроения населения, — пишет один из авторов статей, — служит то, что из сел и городов почти все население уходит на запад, уходя от Красной армии».

му, боится, что такие сообщения посядут в десантных войсках страх перед германской авиацией. Однако, как подчеркивает «Фелькишер Beobachter», ухищрения Черчилля ни к чему не приведут. Они только свидетельствуют об интенсивности германских налетов. Надолго нельзя скрыть того, что пережили и переживают восемь миллионов лондонского населения и находящиеся в Лондоне иностранцы.

В советском тылу

В селе Андреевке, Черниговской области большевизмская администрация, прибывшая «восстанавливать нормальную советскую жизнь» и организовать колхозы расстреляла 26 крестьян, в том числе 18 женщин. После того, как колхоз был вновь организован, все продовольственные запасы, зерно и инвентарь у крестьян отобрали. Представители комиссии НКВД приказали повесить крестьянина Григория Тягина и Дмитрия Маргусяева за то, что они приняли от германских властей в собственность по две коровы и лошади. Семьи двух повешенных и двадцати шести расстрелянных крестьян, в количестве семидесяти человек, отправлены в Чернигов, откуда, повидимому, будут направлены в дальние места ссылки на принудительные работы.

Дорогой ценой заплатили жители села Чернавка за попытку сохранить индивидуальное земледельческое хозяйство. Когда прибыла советская комиссия, крестьяне отправили делегацию из трех человек с просьбой воздержаться от организации колхоза, обещая иквуртано выплачивать все налоги и государственные сборы. Председатель комиссии Гуревич, услышав от семидесятилетнего делегата Семена Бобрюкова, что на собственном клочке земли каждый крестьянин будет работать охотнее, — выхватил револьвер и убил старика на месте.

Вскоре покончили также и с другими делегатами, затем принялись за чистку села. В течение двух дней было расстреляно около сорока крестьян. Сто девятнадцать человек, в том числе женщины и дети, были арестованы и высланы. Колхоз же в конце концов был организован и назван своим проклятым именем: «Сельскохозяйственная артель имени Сталина».

Иван Солоневич

Россия в окопах

(Продолжение 77-ое)

Но об отдыхе, об единственном дне отдыха за все свои 6 лет лагерного сидения, Аведисян мечтает все эти 6 лет. Он, конечно, ворует — не столько для себя, сколько для начальства. И он вечно дрожит — не столько за себя, сколько за начальство. Если выпьет он сам — ерунда, начальство вырчит — только молчи и не болтай. Но если выпьет начальство? Тогда — пропал. Ибо начальство, чтобы выкрутиться — свалит все на Аведисяна, и некому будет Аведисяна выручать, и сгинет Аведисян где-нибудь на Лесной Речке...

Авдисян облизывается на мой проект, мечтательно посмотрит в окно на недоступное ему голубое небо, хотя и не казакское, а только карельское, но все же небо, и скажет этак безнадежно:

— Полтора месяца? хотя бы полтора дня... Но, товарищ Солоневич, ничего из этого не выйдет... Не отступай...

Я знаю, его очень трудно вырвать. Без него начальству придется сызнова и с новым человеком налаживать довольно сложную систему воровства. Хлопотливо и небезопасно...

Но я скажу Авдисяну небрежно и уверенно:

— Ну, уж это вы, т. Авдисян, предложите мне.

И я пойду к Дорошенке, начальнику лагпункта.

2. Если он человек глупый и ноха не имеет, то он, выслушав столь фантастическую просьбу, пошлет меня к чертовой матери что ему дорого обойдется. Не потому, что я был истребитель, а потому, что в моем нынешнем положении я вообще не могу позволить себе роскоши быть посланным к чертовой матери...

А так как Дорошенко человек толковый и, кроме того, знает о моем благе у Успенского, он вероятнее всего уступит мне без всяких разговоров. В противном случае мне придется пойти к Поккалу и повторить ему свою просьбу.

Поккал с сокрушением пожмет плечами, протянет мне свой умилостивительный портсигар и скажет:

— Да, но вы знаете, т. Солоневич, как трудно оторвать Авдисяна от ларька, да еще на полтора месяца...

— Ну, конечно, знаю, т. Поккал. Поэтому-то я и обратился к вам. Вы же понимаете, насколько нам политически важно провести нашу спартакиаду...

Политически... Тут любой стремительно — начальственный разбег с размаху сядет в галюшу... Политически... Это пахнет таким никому непонятным вешаши, как генеральной линией, коминтерном, интересами мировой революции и всяческим чертом в ступе и, во всяком случае, — «недооценкой», «приугнетением классовый бдительности», «хождением на поводу у классового врага» и прочими вешаши, еще менее понятными, но неприятными во всяком случае... Тем более, что и Успенский говорил: «политическое значение»... Поккал не понимает ни черта, но Авдисяна даст.

В том совершенно невероятном случае, если откажет и Поккал, я пойду к Успенскому и скажу ему, что Авдисян — лучшее украшение будущей спартакиады, что он пробогает стометровку в 0,1 секунды, но что его все время понятным соображениям администрация лагпункта не хочет его отпу-

стить. Успенскому будет все-таки спокойнее иметь настоящие, а не липовые спартакиады и, кроме того, Успенскому наплевать на то, с какой степенью комфорта развораются лагерный сахар — и Авдисяна я выцарапаю.

Я могу таким же образом вытянуть раздатчика из столовой ИТР и многих других лиц... Даже предубежденный читатель поймет, что в ларьковом сахаре я недостатка терпеть не буду, что ИТР'овских щей я буду хлебать, сколько в меня влезет... И в своем курорте я на всякий случай (например срыв побега из-за болезни — мало ли что может быть) и забронировал два десятка мест, необходимых мне исключительно для блага...

Но я не буду беспокоить ни Дорошенки, ни Поккала, ни Авдисяна с его сахаром. Все это мне не нужно...

Это — случай гипотетический и, так сказать, несостоявшийся... О случаях, которые «состоялись» и которые дали нам по компасу, по паре сапог, по плащу, по пропуску и, главное, карту — правда, паршивую, но все же карту — я не могу говорить по причинам вполне понятным. Но они развивались по канонам «гипотетического случая» с Авдисяном... Ибо не только, скажем, кухонному раздатчику, но любому вору и оперативнику перспектива полупролета месяца на курорте гораздо приятнее того же срока, проведенного в каких-нибудь засадах, заставах и обходах по топям, болотам и комарам...

А вот вам случай не гипотетический:

Я прохожу по коридору отделения и слышу грохочущий мат Поккала и жалкий лепет оправданий, исходящий из уст товарища Левина, моего начальника колонны.

Мне ничего не нужно у Поккала, но мне нужно произнести должное впечатление на Левина. Поэтому я вхожу в кабинет Поккала (о, конечно, без доклада и без очереди), бережно обхожу вытнувшегося в струнку Левина, плотно усаживаю его у стола Поккала, закидываю ногу на ногу и осматриваю Левина сочувственно — покровительственным взглядом: «И как это тебя, братец, так угораздило?»

Теперь несколько разъяснений:

Я живу в бараке № 15, и надо мной в бараке существует начальство: «статистик», староста барака и двое дневальных, не говоря о «выборном» начальстве вроде, например, упомянутого по борьбе с прогулами, тройки по борьбе с побегам, тройки по соревнованию и ударничеству и прочее.

Я между всем этим начальством — как лист крупный бурей. Дневальный, например, может поинтересоваться, почему я, уезжая в двухдневную командировку уношу с собой двухдневный рюкзак и даже поковыряться в нем. Вы понимаете, какие будут последствия, если он поковыряться?... Тройка по борьбе с побегам может в любой момент учинить мне обыск... Староста барака может погнать меня на какое-либо особое неудобное дежурство, на какой-нибудь ударник по чистке отхожих мест, может подложить мне всяческую свинью по административной линии. Начальник колонны может погнать на общие работы, может пересадить меня в какой-нибудь особо дырявый и уголовный барак, перевести куда-нибудь моего сына, зачислит меня в филоны или в анти-общественные и анти-советские настроения элементы и вообще проложит мне прямую дорожку на Лесную Речку.

Над начальником колонны стоит начальник УРЧА, который с начальником колонны может сделать больше, чем начальник колонны со мной, а обо мне уж и говорить нечего...

Я возмущаюсь мысленно выше и вижу монументальную фигуру начальника лагпункта, который и меня, и Левина просто в порошок стертеть может... Еще дальше — начальник отделения, при имени которого припадает язык к горлу лагерника...

Говоря короче, начальство до начальника колонны — это крупные неприятности, до начальника лагпункта — это возможность погребения живою в каком-нибудь Мореплаве, Лесной Речке, Поповом острове, девятинадцатом квартале... Начальник отделения — это уже право жизни и смерти. Это уже право на расстрел.

И все это начальство мне нужно обойти и обставить. И это при том условии, что по линии чисто административной — я был у ног не только Поккала, но и Левина, а по линии «блата» — чорт меня разберет... Я через голову всего этого сногшибательно начальства имею хождение непосредственно к самому Успенскому, одно имя которого вонзает в пот начальника лагпункта... И разве начальник лагпункта, начальник колонны могут предостеречь, что я там брякну насчет воровства, пьянства, начальственных процентных сборов с лагерных проституток, приписки мертвых душ к лагерным столовкам и много, очень много другого?

И вот, я сижу, болтая в воздухе ногой,

покуривая папиросу и глядя на то, как на лбу Левина уже выступили капельки пота...

Поккал спохватывается, что мат — ведь официально неодобрен, слегка осекается и говорит мне, как бы извиняясь:

— Ну, вот видите, тов. Солоневич, что в этом народом подельшесть? Я сочувственно пожимаю плечами:

— Ну, конечно, тов. Поккал, что подельшесть... Вопрос кадров... Мы все этим болеем...

— Ступайте вон, — говорит Поккал Левину.

Левин пробкой вылетает в коридор, и вылетев, не дважды и не трижды возблагодарит Аллаха за то, что ни вчера, ни позавчера, ни даже третьего дня он не подложил мне никакой свиньи. Ибо, если бы такая свинья была подложена, то я не сказал бы Поккалу вот так, как сейчас:

— Что подельшесть... Вопрос кадров... А скажет же вы хотите, тов. Поккал... У них в кабинке перманентное воровство и ежедневное пьянство...

Самой собой разумеется, что и об этом воровстве, и об этом пьянстве Поккал знает так же точно, как знаю и я. Поккал, может быть, и хотел бы что-нибудь сделать, но как ему справиться, если ворует вся администрация и в лагере, как и на воле. Подальше в ШИЗО одного, другой на его месте будет воровать точно так же — система. Поэтому Поккал глядит сквозь пальцы. Но если бы я при Поккале сказал о воровстве вслух, то о том же воровстве я мог бы сказать и Успенскому, так, между прочим... И тогда полетит не только Левин, но и Поккал. Ибо в функции Успенского входит «нагонять страх». И, значит, в случае подложенной мною свиньи, вылетел бы товарищ Левин, но уже не в коридор, а в ШИЗО, под суд, на Лесную Речку, в тинение живою. Ибо я, в числе прочих моих качеств, живой свидетель, имеющий доступ к самому Успенскому...

И приду домой и собрав собутыльников и соучастников своих, скажет им товарищ Левин, не может не сказать в интересах общественной безопасности:

— Обходите вы этого очкастого за двенадцать верст с правой стороны. Чорт его знает, какой у него там блат и у Поккала, и у Успенского.

И буду я благоденствовать и не полезет никто в карманы мои, ни в рюкзак мой.

(Продолжение следует)

НА ОСВОБОЖДЕННОЙ ЗЕМЛЕ

РЕГИСТРАЦИЯ СКОТА

Рига.

Все переселенцы, проживающие на территории города Риги, у которых имеются коровы или лошади, должны свой скот зарегистрировать в ветеринарном управлении (ул. Адольфа Гитлера 31). Желательно также, чтобы сведения об имеющейся скотине упомянутые лица дали также в беженский отдел Русского Комитета (Рига, Люцинская 38, кв. 9). Переселенцы, работающие в крупных предприятиях, в которых самостоятельно произведена подобная регистрация, — освобождаются от вторичной заявки. Эвакуированные имеют право продавать свой скот, но, в таком случае, они обязаны в течении 24 часов после совершения сделки сообщить имя и адрес покупателя, так как корова или лошадь должны быть перерегистрированы на имя нового владельца.

ПРАВО ЭВАКУИРОВАННЫХ НА ПЕРЕМЕНУ МЕСТОЖИТЕЛЬСТВА

Очень часто эвакуированные, узнавшие адрес какого-либо близкого родственника, проживающего в настоящее время в другой области, обращаются в Русский Комитет с просьбой о том, чтобы их направили на место жительства к родным или родственникам. Такое перемещение может быть произведено только с разрешения Отдела Труда. Эвакуированный, желающий поселиться вместе со своими родственниками, должен: 1) получить от местной волостной управы разрешение на отъезд и 2) получить от волостной или городской управы, по месту жительства его родственников, сообщение о том, что он может быть принят на работу на новом месте.

Для кратковременного свидания с родственниками второе разрешение не требуется.

Если эвакуированный еще не занят на работе, то ему достаточно лишь обратиться в соответствующее учреж-

дение с просьбой о выдаче права на проезд. Однако, во всех случаях необходимо иметь письменное доказательство, что близкие родственники, действительно, проживают там, куда желает направиться эвакуированный.

ПОЛЕЗНОЕ НАЧИНАНИЕ

Поневеж.

При Бюро поверенного по делам русского населения в г. Поневеже организован производственный отдел, цель которого — дать русским переселенцам работу по специальности.

В настоящее время этим отделом уже организованы портняжная и сапожная мастерские, а также мастерская по ремонту и изготовлению музыкальных инструментов. Кроме того, налажена организация бондарного, мебельного и гончарного промыслов, корзиноплетения, севязания и прочих.

Производственный отдел продолжает регистрировать специалистов по намеченным производствам и, вместе с тем, всем переезжающим из деревень в город семейным специалистам предоставляет квартиры, а одиноким — помещения в общежитиях.

В виде опыта — на одном из озер уезда организуется рыбацкая артель из рыбаков - беженцев. Членам артели предоставляются орудия лова.

НЕМЕЦКО - ЛИТОВСКОЕ СОТРУДНИЧЕСТВО

В Поневеже открывается местный отдел общества немецко - литовского сотрудничества, ставящего своей задачей культурное сближение обоих народов. Главные отделы этого общества, организованные ранее в Ковно и Вильно, уже устроили ряд концертов, выставок и научных лекций, ознакомивших население со многими достижениями германского искусства, науки и техники.

эвакуированный направляется из деревни в Ригу на лечение в больницу (такое направление может дать только местный районный врач), то эвакуированный обязан либо иметь свидетельство о том, что он состоит в больницы кассе (все работающие должны быть записаны предпринимателями или хозяевами в больницы кассу), либо предъявить удостоверение о нетрудоспособности или инвалидности от местной волостной или городской управы. Без этих документов эвакуированный не имеет права на социальное обеспечение и за пользование больницы должен будет заплатить из своих личных средств.

— А куда-ж латышей девали? — Туда же, — махнул рукой мужичок, — куда всех: на Дальний Восток, куда-то к морю дорогу делать. Много теперь этих самых дорог делают... — С этими латышами целая история подучилась. Начали их раскулачивать, с семьями, с детскими на станцию отвозить, а они, значит, решили не сдаваться. Ночью запрягли лошадей, и ходу. А лошади у них не хуже наших были. Пришли это утром из домов выгонять, а от них одни тряпки только остались, даже собак с собой взяли. Ну тут, конечно, по телефону в Иркутск. Оказывается, латыши - то за границу перебраться вздумали. Ну, да разве в наше время

одна осталась, две закрыли: ненужны стали. Учителей было девять человек, теперь двое остались, третьим ты будешь. А как жили учителя! Не хуже нас жили, а теперь ни у нас ничего нет, ни у них, — такие же оборванные, как мы, ходят. И деткишки как-то непослушные стали; прежде бывало идет учитель, так деткишки ему, сдалека «здравствуй» кричали, шалить переставали, а ежели родители, скажем, к учителю за советом приходили, всякое почтение оказывали. А теперь — не то, что на улице, даже в школе, не обижайся за откровенность, учителя в грош не ставят. У меня вот соседский мальчишка — от горшка два вершка, а в учительницу валенком

— Так вы откуда сами-то будете? — поворачивается он ко мне. — Изпод Смоленска? Ах, вот оно что! Ну, а как там — тоже колхоз? Видно теперь везде одинаково, везде колхоз. Эх, мать честная!

Он снова дергает вожжи, машет кнутом.

— А вы, значит, к нам учителем? Это дело хорошее. Конечно, в городе бы лучше было, ну да учителем и у нас прожить можно.

— А далеко еще до вашей деревни ехать? — спрашиваю я.

— До нашей-то? Недалече, верст этак восемь с гаком будет. До школы чуть подальше — версты две, так что придется переночевать в деревне, а утром уж в школу. Не к спеху...

— Скажи-ка, отец, — желая убит время, обращаюсь я к мужичку, — почему ваша деревня так далеко от станции, разве эти земли не пригодны для обработки?

— Почему не пригодны? — удивляется мужичек, — здесь земля хорошая, лучше нашей.

— Почему ж она пустует?

— Да это недавно так. Года четыре тому назад здесь тоже пашни были. Вон там, видишь, у того пригорка большая деревня была, шестьсот дворов. Богато здесь жили! Ну, а потом, когда в колхоз загоняли стали, люди взбунтовались.

А вон там, видишь, деревья стоят, латыши - колонисты жили. Большая была тут их деревня, сорок с лишним лет тут проживали, свою школу и церковь имели. Никому вреда не делали. Трудолюбивый был народ. Осенью, бывало, наварят пива, соседей к себе позовут и, Господи Боже мой, веселятся недели две! Быка зарежут, борова заколят, а не хватит — добавят. И никто не думал, что обеднеет, что завтра есть нечего будет. Богато жили...

переберешься, это тебе не при пределах.

— Задержали?

— Еще б не задержать — самолеты влогонку послали, с пулеметов обстреляли. Господи, сколько их перебили, сказать тяжело. С нашей деревни ходили смотреть как их обратно гнали, так ужас просто.

— А вашу деревню разве не тронули?

— Как не тронули — тронули, половину почти уничтожили, да всех еще не успели. Вот ты в школу едешь. У нас этих школ три было, теперь

запустил; «чего, — говорит, — при-стает». Раньше за такое бы дело родители со стыда на глаза не показались бы, а теперь посмеялись, и все.

Вот оно как!

Почувствовав близость дома, лошадка ускорила шаг. Через некоторое время мы въехали на широкую грязную деревенскую улицу, заваленную по бокам плугами, ломанными телегами и санями.

Тихо, безлюдно было в деревне. Ни собак, ни кур не видно было на широкой улице. Огромная сибирская деревня казалась совершенно вымершей.

Об удовлетворении прошений эвакуированных

Рига.

В русский комитет в Риге ежедневно обращается большое число эвакуированных с разными просьбами и прошениями, которые, по мере возможности, удовлетворяются. Заведующий отделом эвакуированных в Латвийской генеральной области О. В. Анисимов указывает, что просьбы эвакуированных могут удовлетворяться только в рамках законов и постановлений, изданных германскими и местными властями. Поэтому каждое прошение должно быть обосновано, и, по мере необходимости, подтверждено соответствующим удостоверением. Если, например, какой-нибудь

Болезнь русского языка

В защиту чистоты нашей речи

Язык народа — неотъемлемое условие его бытия. Язык — существенный признак национальности. Жизнь языка или его история есть и история нации. Обычно язык живет спокойной, степенной жизнью, развиваясь медленно и последовательно. Но в исторической жизни народов бывают моменты, когда новые условия преобразуют жизнь, новые ощущения требуют новой формы, тогда в язык вторгаются новые понятия и темп словотворчества ускоряется. Тогда быт, а не язык решает быть или не быть новому слову.

Обычно смешивают литературный язык, письменный, с разговорной речью, устной, между тем тут дистанция огромного размера. Повлечь на литературный язык и на его формы гораздо легче, чем на разговорную речь. Укоренившиеся в разговорной речи навыки, формы произношения, словарь и грамматические упрощения, если они установились, искоренить уже почти невозможно. В этом направлении может помочь лишь воспитание молодого поколения и школа.

Язык человека, его речь — отражение умственного, духовного и душевного уровня говорящего. Чем человек культурнее и интеллигентнее, тем ярче, разнообразнее и вразумительнее его речь. Но и наоборот, яркая вразумительная речь и знание родного языка делают человека более культурным и интеллигентным. Человек мыслит словами, недаром же говорят: «Такой-то думает по-русски, по-немецки» и т. д. И чем слова, которыми

человек мыслит, определеннее, понятнее и точнее, тем и мысль ярче, шире и острее.

Большевицкое лихолетье пыталось духовно растлить русский народ, беспощадно заменяя национально - русское интернациональным, и результатом этого вытравливания всего национального явилось обнищание и убогость русской речи. Русская речь, все чаще стала походить на стертый пятак, и невольно вспоминаются слова Тургенева, который писал про одного из своих героев, что «Алексей Сергеевич говорил славным русским языком, вкусным и чистым, как ключевая вода». Нет теперь в русской речи прежней чистоты, и отдает она чем-то прогорклым.

Иные защищают ее, утверждая, что жизнь порождает все новые и новые языковые формы и что всякая эпоха изменяет и обогащает язык. Мы соглашались с тем, что всякая эпоха изменяет язык, но что большевицкая эпоха обогатила язык, с этим мы в корне несогласны. Дело совсем не в сокращениях, не в заимствовании иностранных заимствований, а дело в том, что сама жизнь, быт доведены были до такой примитивности, что ни о каком богатстве речи быть не могло. Старая интеллигенция, запуганная и загнанная, приспособляясь к новым условиям жизни, не только не влияла на говор окружающих, а, наоборот, впитывала в себя словотворчество и формы речи от людей малограмотных.

Никто не покушается на святая святых мучеников советского строя и никто не собирается изгладить из их

памяти все то, что они перестрадали и пережили за эти кошмарные годы. Но мы уверены, что те, кто перенесли вшивые этапы, расстрелы близких, голод и домашний шпионаж, скорей найдут пути к сердцу и мысли борцов с большевизмом, говоря на хорошем и чистом русском языке, чем те, которые попытаются свои переживания выразить корявым языком умученного советичной деревенского священника или колхозника. Ведь тут недалеко и до признания материны, без которой в советском быту трудно было существовать. Не к возврату языка далекого прошлого должны мы звать русский народ, но к тем последователям, которые, унаследовав этот язык, берегли его и развивали. Через Тютчеву к Блоку, через Тургенева к Бунину и к Шмелеву, через Достоевского к Мережковскому и так далее. Следует отметить, что и в Советском Союзе даже, иногда поднимался вопрос о порче и искажении русского языка. Так, например, А. С. Никулин в журнале «Русский язык в школе» № 2 — 1940 года писал: «Московское произношение сильно разрушено: Москва стала столицей Советского Союза; население Москвы за годы советской власти возросло в несколько раз, старые москвичи вымерли, а новое поколение воспитывается уже в ином языковом окружении. И следы этого произношения можно найти лишь в учебниках». Ученые Союза неоднократно пытались поднять свой голос в защиту русской речи. Но какое дело большевикам до сокровищ русского народа?

Засорение русского языка иноземными словами — дело поправимое, и со смертью большевизма умрут незаконно попавшие в язык словечки. Русский народ умеет преобразовать заимствования, и многие прежние иноземные слова так обрусели, что стали органически приемлемыми. Но разные «комсомол», «колхоз», «стаха-

новщина», «совнарком», «совдеп», «зам», «зав» и прочее — умрут и не они страшны в русском языке и русской речи, гораздо сложнее и опаснее потеря грамматических форм. Образный, красивый и могучий русский язык, русская речь потускнели, и вот в этом-то повинен нищий духом большевизм. Молодое городское поколение, выращенное большевиками, в массе своей говорит мертвым языком, и только крестьянские дети сохранили еще кое-где русскость речи, ее напевность и красочность.

«Пролетарская революция, — пишет советский профессор Б. Виноградов, «уничтожив эксплуататорские классы, вызвала широкую демократизацию разговорного и отчасти письменного языка», и вот эта-то демократизация внесла такую неразбериху и беспорядочность в обращении с ударением, что речь русских людей потеряла всю прелесть русскости и красоты.

Не о возврате прошлого мечтаем мы, а о бережном и умелом отношении к богатому наследию наших величайших писателей идет сейчас речь. Чтобы удачно бороться с большевизмом, необходимо также развивать и совершенствовать нашу речь, необходимо наперегать двадцать шесть лет порчи и загрязнения ее. Нам надо обязательно вылечить те недуги, которые большевики сознательно прививали к нашей речи, уничтожая все национально - русское во имя интернационала. Мы должны всегда и везде следить за своей речью и черпать образцы из добольшевического прошлого. «Заработай то, что ты наследовал от своих предков, только тогда ты будешь владеть им», — говорит Гете, и это верно, — надо исправлять свои ошибки, заимствуя в прошлом все лучшее.

М. Петрович.

РОЗЫСКИ

Разыскиваю **МАРТИНСОН** Юлию Кузминичну (56 лет) и **БЕЛЯКОВУ** (урожд. Мартинсон 29 лет) Эмилию Петровну со ст. Дядю. Сообщить: в ред. газ. «За Родину» Дядю. (в)

Разыскиваю сыновей **ПЕТРОВЫХ**: Алексея, Павла и Владимира Александровичей из Новгорода. Сообщить: Литва, Шаули, Витайта ул. № 76-а, кв. 3, Петровой Веры Федоровны. (с)

Разыск. жену **МАКСАКОВУ** Дарью с детьми, Педагога 1922 г. р., Мария 15 лет, Алексей 1932 г. р. и внука Николая из д. Полково Карачевского р-на, Орловской обл. Сообщить: Максиму Павлу, Литва Шавельская вол., д. Гайлюны, через Анатанаса Кауписа. (с)

Разыск. мать **ВАСИЛЬЕВУ** Анну Лукиничну, 55 лет, из Вологовского р-на. Сообщить: Васильевой Анисии, Литва, г. Таурочек, беженские бараки. (с)

Разыск. брата **Сысоя ЛЕОНТЬЕВА**, 1926 г. р., из Дедовичского р-на. Сообщить: Литва, г. Таурочек, беженские бараки. (с)

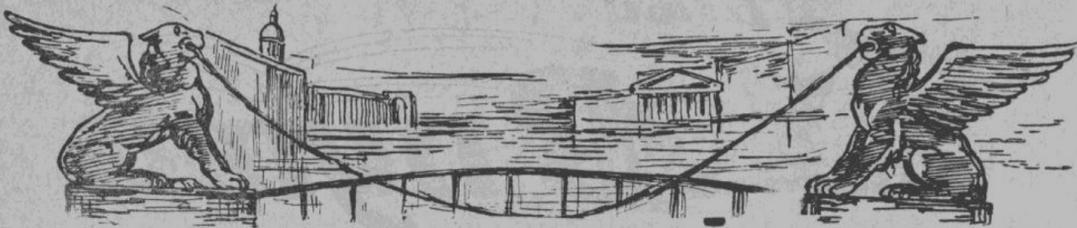
Разыск. сестру **ТУРКИНУ** Анастасию, 40 лет, из Дедовичского р-на. Сообщить: Ивановой Прасковии, Литва, г. Таурочек, беженские бараки. (с)

Разыск. сына Ивана Ивановича **ВАСИЛЬЕВА**, 1925 г. р., из Дедовичского р-на. Сообщить: Васильевой Неониле, Литва, г. Таурочек, беженские бараки. (с)

Разыск. братьев **ИГНАТЬЕВЫХ**: Леонида 1923 г. р. и Михаила, 1924 г. р. из д. Подзорово, Славковского р-на, Ленинградск. обл. Сообщить: Федорову Александру, Литauen, Kreis Schaulen, Dorf Schwigi bei Petras Ratkus (с)

Разыск. Дарью Николаевну **ХОТУЛЕВУ**, с двумя детьми Николаем и Анатолием из д. Дьяново, Сафоновского р-на Смоленской обл. Сообщить: Митченковой Елене, Литauen, Kreis Schaulen, Dorf Poboline Haus 87 (с)

Разыск. **МОСЬКИНА** Ивана Дмитриевича 1930 г. р. и **ЛУЖЕЦКОГО** Ивана Ивановича 1936 г. р., из Орловской обл., Карачевского р-на, Первомайский вол., д. Сумароково. Сообщить: Моськину Николаю, Вильно, Гуминно Немецкая колония, Красный двор. (с)

НА ЗАРЕ ТУМАННОЙ ЮНОСТИ

Фонтанка медлительно проталкивает перистые декабрьские льдинки. Солнце искоса поглядывает на Летний сад, Инженерный замок, Пантелеймоновскую церковь.

Мы с Шурой стоим у решетки моста. Я лихорадочно жму ее ручки и бормочу извечную несусветную чушь о любви, о верности, нежности, ревности, и чорт его знает еще о чем...

Шура смотрит на меня широко раскрытыми глазами и упиивается пошлейшей и банальнейшей «музыкой слов». Женская любовь — большая формалистика. ей мало нежных взглядов, длинных часов, объятий, поцелуев — она требует словесного подтверждения. Какая-то нотариальная заверка любви. А Шура ведь девушка хорошенькая, «изюминкой», тонкая и умная, не раз слышавшая подобные излияния. И все-таки каждый раз они звучат для нее по новому...

Двадцатые годы. НЭП. Витрины магазинов испестрены многоцветным горением шелков, глубоким переливанием сукон, трогательными расцветками кисей и плакатами ситцев. А в других — батареи бутылок, пирамиды тортов, окороков, сыров, ожерелья колбас, золотые россыпи пече-

нья и шоколадно-марципанная фауна и флора...

В кармане — грош. Десятирублевая стипендия и воскресная работа грузчиком в порту не дают возможности мало-мальски сносной жизни. Но не все ли равно? Студенческие потребности не так уж велики, двадцать лет за плечами не дают на душу, — она поет вольной птахой и любит, кутит, читает, слушает Баха или лекции о Лотце и Гуссерле, забыв о продранных локтях ветхого пиджака, бахроме вытанувшихся на коленях брюк и вечно урчащей несуети молодого желудка.

Вечером — собрание в «Вольфиле». Вольфила — Вольная Философская Академия — последний оплот в Советской России жестоко преследуемых антиматериалистических мировоззрений. Основанная Блоком, Белым и Вячеславом Ивановым, — она доживает каким-то чудом свои последние дни.

И все заливала наша юность, наша любовь, наша, может быть, беспорядочная, разбросанная, но горячая и непосредственная любовь.

Эти карие, серые или зеленоватоголубые глаза, привздернутые или наморщенные в усмешке носики, при-

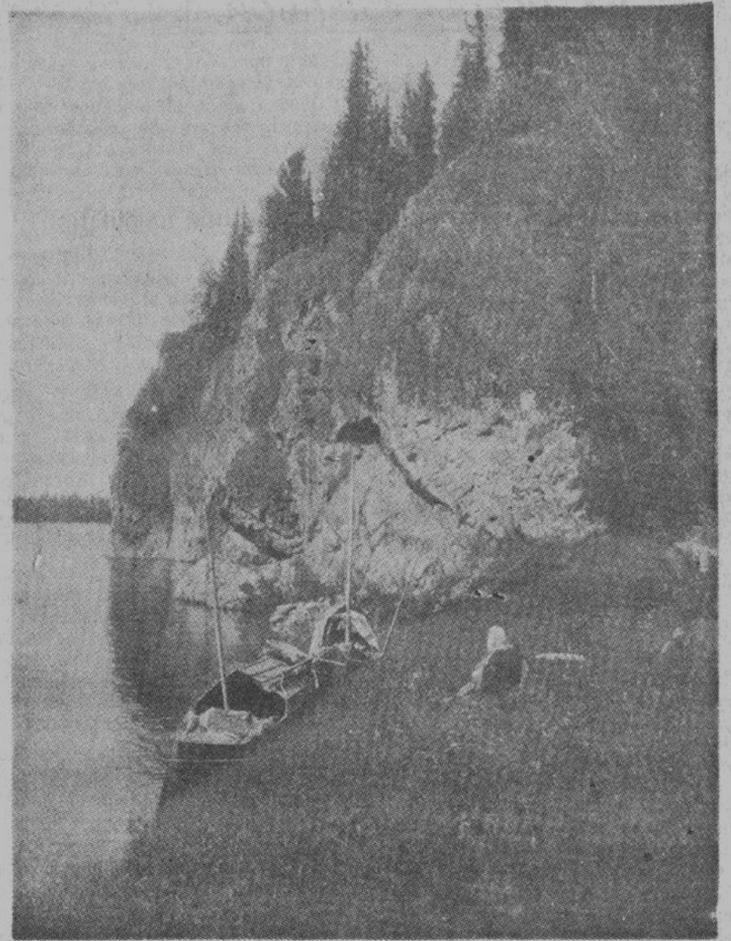
открывшиеся губки, плохо обутые стройные ножки в затрепанных коротких юбочках и милые, беспомощные, ласковые ручонки — какую громадную «идеологическую» работу проделали вы — одним фактом своего участливого существования — в деле разрушения в нашем сознании «хрустального дворца» коммунизма.

Ибо любой коммунист и комсомолец рычал другому — «не трожь! Это — мое», когда обнимал талию Шуры. Нины или Ирины — своих немногих ветреных, но нежных подруг...

...А потом началось подполье. Сначала чисто философские или литературные кружки, а затем подпольные организации молодежи от «евразийства», сильно изменившегося на берегах Невы, — до партийно-комсомольской нелегалщины типа «союза рабочей справедливости» или еще чего-то в этом роде.

...А еще позднее, в 1938 году, мы встретились с Шурой на другом мосту. В Ухто-Печорском лагере. Строился мост через Ижму.

Я приехал на постройку в качестве инженера-инспектора. На мне лагерный бушлат и ушанка заключенного «контрреволюционера». Я сижу уже третий раз. От розового комсо-

НА ИЖМЕ

мольства двадцатых годов ничего не осталось. И «хрустальный дворец» коммунизма давно уже лежит в развалинах. Мне давно перевалило за тридцать. Виски сильно выскрип иней смертных камер и допросов в НКВД.

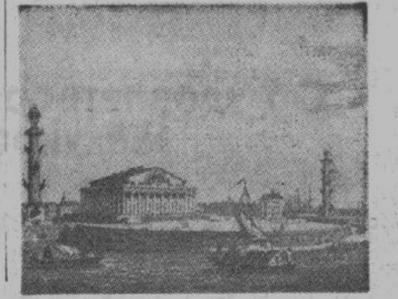
И вдруг — словно кто-то ласковыми женскими ручками погладил мою душу. В лагерных пимах и телогрейке передо мной стояла Шура. Срок — десять лет. Шпионаж или террор (конечно, сфабрикованный на следствии). Но я не вижу ни лучиков морщинок под глазами, ни осунувшихся щек, ни поганых ржжей ненавистного лагерного моста, на котором помощником производителя работ томится подруга моей юности...

— Шура, Шуручка, Шуренок!

А душа поет о Фонтанке и мраморе статуй Летнего Сада, поет старую милую песенку:

— На заре туманной юности...

Борис Фиалтинский

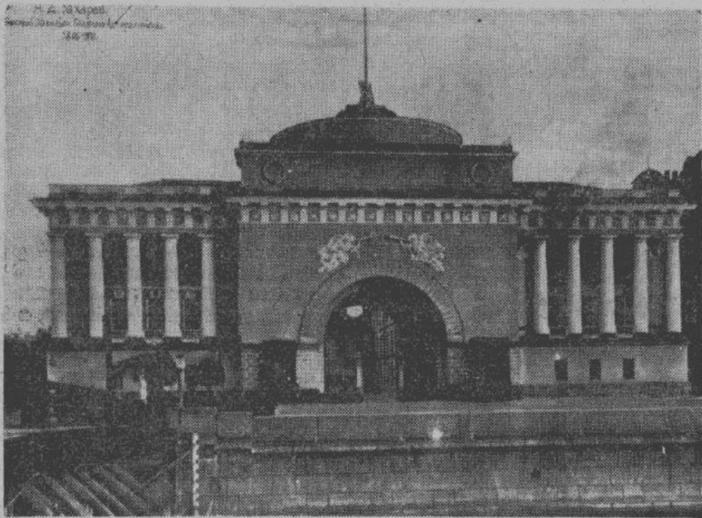
АЛЕКСЕЙ СИВЕРСКИЙ.

Весеннее

Приблизилась весна: сосульки виснут с крыш,
По вечерам гудят февральские метели.
На солнце днем снежок уже весенне-рыж,
Он липнет к дереву скользящих быстро лыж,
Скворцы из теплых стран к нам снова прилетели.

Ты лыжи уберешь и будешь долго ждать
И в дни весны и радостного лета,
Как—вслед за осенью—придет зима опять,
Застав покров земной блестящим паркетом.

И вновь придет зима, и белым снегом лишь
Припудрятся поля и ровные дороги, —
Настанет вновь пора для быстролетных лыж,
И снова ты на них с улыбкой поужиши
В ее холодные и яркие чертоги.

ПЕТЕРБУРГ. АДМИРАЛТЕЙСТВО. Архитектор А. Захаров.

УГОЛОК НАТУРАЛИСТА

Танец пчел — их разговор

К улью подлетела пчела, сборщица нектара, вошла в улей, взбежала по сотам. Ее окружили другие пчелы. Изю рта нашей пчелки показалась блестящая капелька — это она отгрынула часть собранного меда из своего медового желудка. Вот еще вторая, третья капелька... Хоботы соседок потянулись и всосали эти капельки. Пчелки, вссавшие принесенный мед, отнесут и накорячат голодных пчел занятых работой внутри улья, а избыток уложат в ячейки про запас.

Но вот отдана последняя капелька драгоценной жидкости и наша пчелка освободилась от своей ноши.

Но она не улетает — начинается... танец.

Она быстро бегаёт, обегая небольшие круги в тесном кругу сот, так что вне площадки ее танца остается свободна только одна сота; потом останавливается, приплясывает на месте, резко оборачивается и по тем же сотам бегаёт в обратном направлении. В течении 10—15 секунд она делает до 6—10 (даже 20) оборотов — настолько быстр ее танец.

За нею начинают бегать другие пчелы, теперь за танцовщицею тянется уже целый хвост, танец одной пчелы переходит в хор.

Но пчелки не просто кружатся. Они стараются дотронуться своими усиками до брюшка танцовщицы. Танец кончается и все пчелы, принимавшие участие в танце, улетают. Вернувшись с медом, они в свою очередь, также начинают танцевать. Бывает, что сразу кружатся десятки хорождов, и чем больше хорождов кружатся, тем больше пчел улетают за медом.

Этот танец — один из разговоров пчел. Танец сборщицы — сообщение, что есть где-то много цветов, где можно набрать много сладкого сока.

Уски пчелы — ее орган обоняния. Трогая усиками танцующую сборщицу, пчелы обнюхивают ее, а запах говорит, где искать добычу. Где то, мээ, есть такой запах цветка, и там сладкого сока достаточно. Запах цветка остался пчелке во время сбора сладкого сока — этот запах и говорит пчелам, какие цветы им искать. Так, например, если наша танцовщица вместе с запасом меда принесла запах голубых колокольчиков, то и участницы танца будут искать только ко-

локольчики и не сядут на розу или незабудку.

Если же пчела добыла очень мало сладкого сока, она не танцует. Она молчит, ей нечем хвастаться о своей удаче, и других пчел она не возбуждает, хотя и пахнет от нее, например, колокольчиками.

И снова бегают за ней сборщицы пыльцы и прикосновением усиков к щитанишкам танцовщицы стараются узнать, от каких цветов она брала пыльцу.

А танцовщица как бы говорит: Внимание! от меня пахнет жасмином, — летите и ищите жасмин. Все сказано без слов. Танец пчелы — это сообщение о богатой добыче — замечательное явление в жизни пчел.

Не будь этого танца — разговора, пчелы летали бы куда попало, и никогда не смогли бы собрать таких больших запасов. Сотни и тысячи пчел сядили бы на цветы, хотя и ярко окрашенные и с сильным запахом, но без запасов меда и пыльцы и напрасно потратили бы время и силы.

Ученый Фриш установил, что кроме запаха пчелы различают цвета, в особенности синие, фиолетовые и желтые, но красный цвет они не видят. Потому-то в нашей природе, среди цветов, опыляемых пчелами и другими насекомыми, пока мало красных цветов. В тропических странах, где цветы опыляют и птицы (например, колибри — длиной до 2 см) яркого цвета в природе гораздо больше. Пчелы имеют двойные глаза: в каждой стороне головы по большому сложному глазу, а между ними еще три маленьких, простых глаза, которыми пчела осматривает запасы меда или пыльцы внутри цветка.

П. Р.

Турнир бойцовых рыбок

В Сиаме водится небольшая рыбка, около 9 сантиметров в длину, которая, благодаря своим воинственным наклонностям, получила название «бойцовой рыбки». Самки сравнительно мирные, но самцы постоянно дерутся друг с другом и дерутся так ожесточенно, что драки их нередко оканчиваются смертью одного из противников. Самкам приходится часто страдать от дурного характера самцов: если самка недостаточно заботится о самце, он очень убедительно показывает избранный своего сердца, что не допустит пренебрежения. Эта воинственная система ухаживания оканчивается обычно браком, и

парочка в дальнейшем ведет спокойную семейную жизнь.

Этих рыбок в Сиаме испокон веков держат в домашнем состоянии. Сиамцы разводят их для очень любимого у них спорта. Они устраивают рыбки бои, так же как петушьи. Желающие участвовать со своими рыбками в публичных боях — платят известный налог, который дает государству немалый доход.

Бои устраиваются в просторных помещениях, к потолку которых на цепочках подвешиваются большие стеклянные сосуды с водой, куда и пускаются попарно бойцы. Вокруг этих сосудов находятся платные места для зрителей.

Бои происходят при соблюдении твердо установленных правил, при чем спорные вопросы решаются беспристрастными арбитрами. Огромные суммы ставятся иной раз на борющихся рыбок азартными любителями этого спорта.

Н. Волков.

Знаете ли вы, что...

- ...как германские подводные лодки измеряют глубину моря?
- И в этом деле германская точная механика добилась блестящих результатов. Близкая к совершенству точность этой науки позволила германскому ученому Бему сконструировать лот, так называемый эхо-лот, с успехом заменивший старый лот для измерения морских глубин. Посредством эхо-лота можно с предельной точностью и быстро измерять глубину моря. Измерения производятся при помощи звуковых волн, посылаемых в морские глубины, и дают результаты с точностью до одного сантиметра. Звукоотправитель, помещающийся на борту судна, посылает звуковую волну до дна моря. Эта волна, отражаясь от морского дна, подобно эху, возвращается обратно. Время, которое нужно волне для того, чтобы дойти до дна и вернуться обратно, служит мерилом при определении глубины в том месте, где находится судно. Положение подводной лодки по отношению к поверхности моря вычисляется на основании измерения давления воды.
- ...в Индии из 350 миллионов населения почти 290 миллионов человек ходят босиком.
- ...насчитывается пять тысяч языков, на которых говорит человечество.
- ...птицы не тревожимые человеком, способны размножиться в четыре раза быстрее самых плодотворных животных.
- ...первыми домашними птицами были гуси.

Странности великих людей

Вальтер одновременно работал над несколькими вещами. Все они были разложены на политре или столе. В зависимости от настроения он брал соответствующую вещь и работал над ней.

Александр Дюма имел обыкновение писать только на особых квадратных листах. Виктор Сарду писал только на особенно толстой бумаге.

Виктор Гюго, когда к нему приходило вдохновение, вставал за конторку и писал стоя, разбрасывая при этом во все стороны исписанные листы.

Литтр — автор знаменитого «Французского словаря» — работал только после обеда; его работа затягивалась далеко за полночь.

Жорж Занд тоже работала только ночью. Шатобриан, диктуя, аккуратно ступал босыми ногами на квадраты паркета.

Бальзак, когда начинал писать, заперался в своей комнате на один-два месяца и закрывал ставни. Работал он по восемнадцати часов, при четырех свечах, одетый в халат и с бархатной ермолкой на голове, сшитой его матерью. Во время работы он пил много кофе.

Бетховен записывал обыкновенно свои произведения на конвертах или обрывках журналов, которые он всегда носил с собой.

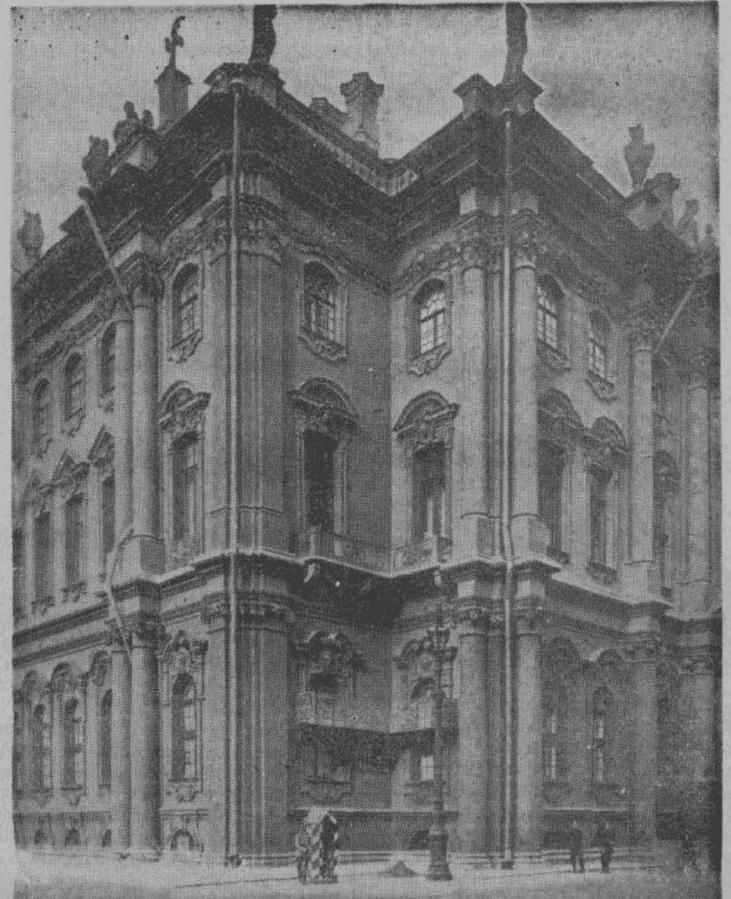
Глюк иногда выносил для вдохновения клавиши на луг и там писал свои произведения.

Паганини перед игрой проводил смычком полукруг над скрипкой.

Падеревский всегда опасался вступить в новое помещение правой ногой.

Шуберт любил играть свою любимую вещь на длинной гребенке.

И. Дубров.

ПЕТЕРБУРГ. ЗИМНИЙ ДВОРЕЦ (угол), Архитектор В. Растрелли.